

Автономная некоммерческая организация
**Институт русско-славянских исследований
имени Николая Яковлевича Данилевского**

Статьи ИРСИ/Аналитика ТГ-канала “Россия – не Европа” Экспертный клуб Николая Данилевского Конференции ▾ Труды ИРСИ ▾ Современны
СМИ о нас Издания ИРСИ им. Данилевского ▾ Русская мысль Новейшей истории России ▾ Дело соборное Все материалы Интернет-ма
созидатель” Открытые обращения ИРСИ Данилевского Контакты

Главная > Доклады конференций >

Доклады конференций

Кузьмин Н. Н.

Как читать Н. Я. Данилевского: призма миссии versus призмы границы

🗨 0

Кузьмин Н.Н.

к.ф.н., директор Центра информационных и социальных технологий
развития межнациональных коммуникаций в Республике Крым
(г. Симферополь, Россия)

Как читать Н.Я. Данилевского: призма миссии versus призмы границы

В статье исследуются философские предпосылки концепции Н.Я. Данилевского в книге “Россия и Европа”. Данилевский, исходя из позиций философского рационализма, обосновывает идею особой миссии России во всемирно-историческом процессе.

Kuzmin N.N.

How to read N.Ya. Danilevsky: prism of mission versus prism of border

In the article the philosophical prerequisites of N.Ya. Danilevsky’s concept of the book “Russia and Europe” are investigated. Danilevsky, proceeding from positions of philosophical rationalism, provides evidence of a particular mission of Russia in the world-wide historical process.

Если попросить любого человека, интересующегося философией истории, кратко охарактеризовать суть концепции Н.Я. Данилевского, изложенной в его труде “Россия и Европа” [1], то можно будет услышать примерно следующее: “Данилевский обосновал идею о том, что человечество разделено на отдельные цивилизации, которые он называл культурно-историческими типами. Каждая из этих цивилизаций, подобно биологическим организмам, рождается, растет, приходит к расцвету, а затем угасает и умирает. В числе этих культурно-исторических типов Николай Яковлевич называл и славянский тип, олицетворяемый Россией, который находится в стадии роста и приближается к расцвету, в отличие от Европы, где этот расцвет уже пройден и приближается упадок”. Кроме того, почти наверняка с гордостью добавят, что Данилевский предвосхитил Шпенглера или даже скажут, что немецкий философ просто содрал свою знаменитую теорию, изложенную в книге “Закат Европы” [3], у русского ученого.

Так, как правило, воспринимается у нас философско-историческая концепция Данилевского. Но возникает два вопроса. Первый: стоит ли гордиться тем, что у нас опередили Шпенглера? Ведь немецкий философ подарил миру весьма неоднозначную и, прямо скажем, социально опасную философско-историческую концепцию. Второй: как мог человек, русский до мозга костей, увлечься идеей, расчленяющей человечество? Ведь для нашей культуры и ментальности, наоборот, свойственно стремление к целостности, всеобщности, соборности.

Попробуем сопоставить “Закат Европы” и “Россию и Европу”. Двухтомник Шпенглера – это, бесспорно, выдающееся произведение. Культурологический анализ высочайшего уровня в нем явно превалирует над философией истории. У Шпенглера, собственно, нет никакой истории, никакого человечества, есть лишь абсолютно обособленные культурные организмы, рождающиеся, живущие по определенному плану и неизбежно умирающие.

Концепция обособленных культурно-исторических типов, доведенная до своей крайности, означает апологию невозможности прогрессивного развития человечества. Концепция культурно-исторических типов в своем завершенном виде – это своеобразная некрофилия, любовь к тому, что неизбежно

движется к смерти. У Шпенглера эта порочная страсть явно просматривается.

Восприятие себя как отдельной обособленной цивилизации обеспечивает алиби для пассивности. С одной стороны, все проблемы – мелочи, по сравнению с тысячелетним циклом. С другой, к чему суесться, если, например, мы итак на подъеме, а наш конкурент – движется к упадку? Но разве Данилевский к такой мысли хотел подвести своих читателей? Любопытно, кто внимательно читал “Россию и Европу”, понимает, что это не так.

Чтобы понять, что хотел сказать Данилевский в своей книге, необходимо ответить на вопрос: “К какой философской традиции, актуальной во второй половине XIX века, следует отнести его творчество. Только так мы можем понять философский контекст его концепции. Ведь в самой работе прямых философских отсылок практически нет. Во-первых, по причине того, что Николай Яковлевич не был профессиональным философом, во-вторых, из-за стилистической особенности работы (она представляла собой серию публикаций в журнале “Заря”).

В определении философского контекста можно выделить две дихотомии, актуальные для того времени: рационализм и иррационализм, гегельянство и неокантианство (впрочем, неокантианство только зарождалось). Рационален или иррационален Данилевский? Несмотря на обилие биологических аналогий, никакой близости к нарождающейся философии жизни в его творчестве не просматривается. Образ рождающегося, расцветающего и увядающего организма для Николая Яковлевича является объясняющей метафорой, а не онтологическим принципом. Не наблюдается у него и реминисценций по отношению к романтической традиции и творчеству Шопенгауэра. Напротив, лингвистика Данилевского рациональна, за исключением мест, где он поддается геополитическому негодованию, обсуждая идеологические позиции оппонентов. Но этот скорее дань публицистическому жанру.

В отношении гегельянства и неокантианства следует сказать, что мир у Данилевского не делится на природу и культуру, как в неокантианской традиции, мир для него по-гегельянски един. Не просматривается у него и идеи обособления естественных и гуманитарных наук, ставшей методологическим фундаментом неокантианства.

Однако, если обратиться к творчеству Шпенглера, то там мы как раз и обнаружим иррационализм Шопенгауэра и романтиков, а также неокантианскую методологию. Это еще один аргумент в пользу того, что Данилевского нельзя понимать через призму Шпенглера.

Если у Шпенглера история не имеет никакой цели, и собственно истории как процесса нет, то для Данилевского такая цель есть, а, значит, есть и история. И в этом смысле русский мыслитель – явный гегельянец по своим философским предпосылкам. При этом надо понимать, что его имплицитное гегельянство не имеет ничего общего с эпигонами Гегеля конца XX века, провозглашающими “конец истории”. Далее мы покажем, что для Николая Яковлевича всемирно-исторический процесс является продолжающейся реальностью.

Данилевский в своей работе прямо говорит о том, что единое человечество существует и у него есть цель, и есть путь движения к этой цели. Этот путь и есть реализация народом, цивилизацией своей самости, своей миссии. А если есть цель, то необходимы и усилия по ее достижению. Можно сколько угодно упиваться собственной цивилизационной исключительностью, но без приложения усилий, без напряженной работы духа никакой полноценной цивилизации не будет.

В шестой главе Николай Яковлевич пишет: *“Человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу как родовое понятие к видовому: следовательно, отношения между ними должны вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом”*. Это вам не плоские и общепонятные биологические аналогии, которыми Данилевский обосновывает отношения между культурно-историческими типами. Это строгая формальная логика. Если народ – это вид, то человечество – это великая общая идея, вне которой народ сам по себе существовать не может. Только такой вывод логически следует из родо-видового отношения между человечеством и отдельным народом.

“Задача человечества состоит не в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, in potentia) в идее человечества. Ежели бы, когда человечество совершит весь свой путь или, правильнее, все свои пути, нашелся кто-либо, могущий обозреть все пройденное, все разнообразные типы развития, во всех их фазах, тот мог бы составить себе понятие об идее, осуществление которой составляло жизнь человечества” – вот как в шестой главе представлял себе Данилевский картину исторического процесса и место в нем отдельных цивилизаций.

В этой же главе Николай Яковлевич говорит о том, что “всечеловеческая цивилизация” – это “идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем”.

Фактически это означает, что любая отдельная цивилизация выполняет свою особую миссию. И если Европа, по мнению Данилевского, представляет собой уходящий культурно-исторический тип, а славянство в лице России – приходящий ей на смену и обладающий более высокими исходными качествами, то значит и должны стоять перед ним более значительные задачи. И только реализовав эти задачи, Россия может стать полноценной цивилизацией.

В этой идее и раскрывается настоящий Данилевский, именно в ней реализуется его русскость и православность, которым должно претить разделение человечества на изолированные единицы. Вспоминая Шпенглера и его симпатии к нацизму, уместно сказать и о том, какому типу религиозной ориентации угодна тотальная разделенность человечества. Это современное неоязычество, которое процветало в нацистской Германии и у которого, к сожалению, появились последователи у нас. Шпенглеровская разделенность – это возвращение в архаику, а идеал Данилевского – это путь в будущее.

Для Николая Яковлевича концепция культурно-исторических типов, осознание Россией себя как самобытной культурной целостности – это лишь инструмент, лишь стартовый пункт на пути осуществления всечеловеческого предназначения.

Именно такое понимание идей Данилевского требует от России осознания своего места в мировом историческом процессе, своей миссии по отношению к миру. И именно в таком качестве она может стать центром притяжения для славянского мира. А попытки отгородиться в самодовольстве культурно-исторической исключительности, построить отношения с окружающим миром на основе конструирования реальных и/или символических границ приведут только к загниванию, поскольку непонимание своей сущности ведет к непониманию своих истинных целей.

Так какие же цели ставил перед собой Николай Яковлевич Данилевский? Мы уже поняли, что не было его целью отгородиться в чувстве самодовольства расцветающего культурно-исторического типа, которому самым проведением уготовано блестящее будущее.

“Россия и Европа” писалась в условиях жесткой политической полемики между западниками и славянофилами, поэтому направленность этой работы в первую очередь полемическая. Это во многом объясняет и некоторую излишнюю эмоциональность текста книги, и определенную слабость в аргументировании идей. Автор явно делал выбор в пользу образности и простоты аргументов, в ущерб научной логической точности.

В этом смысле “Россию и Европу” можно рассматривать как своеобразную политическую технологию создания картины мира, которая должна направить политическую активность в необходимую сторону. Говоря современным языком, Данилевский формирует идентичность России. Политологи знают, что создание идентичности – это залог успеха для движения, партии. В конце концов, строительство национальных государств опиралось, в первую очередь, на конструирование, превращение слабого этнического самосознания в мощную национальную идентичность. Работа Николая Яковлевича может служить хрестоматийным примером такого конструирования.

Прежде чем мы покажем, как он это делал, необходимо кратко рассказать о том, как создается социальная идентичность. Ее формирование проходит в три этапа. Обретение идентичности основывается, во-первых, на выделении в социальном окружении индивида отдельных социальных категорий, типов. Это называется социальной категоризацией. Во-вторых, на приписывании категориям, группам, к которым человек относит себя, в основном положительных качеств, а другим – отрицательных, противопоставляя их своим. Этот второй этап в теории идентичности называется социальным сравнением или социальным творчеством. В результате этого становится возможным третий этап, на котором обретается идентичность как положительная “я-концепция”, совокупность представлений о позитивных качествах группы, к которой принадлежит индивид, и, в основном, отрицательных – к которым он себя не относит.

Теория социальной идентичности была разработана в социальной психологии в 70-е – 80-е годы XX века [2, с. 115 – 125]. А вот как это делал Данилевский на сто лет раньше. В третьей главе своей книги он выделяет Россию из Европы, противопоставляя ей Россию и всю славянскую культуру (сама концепция культурно-исторических типов это пример расчленения окружающей действительности на отдельные категории). Россия в представлении Николая Яковлевича “не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу, как же может она принадлежать Европе”; одновременно она являет собой “весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению... европейской или германо-романской цивилизации”.

Далее (в восьмой главе) автор принимается за “социальное сравнение” и “социальное творчество”, приписывая России в основном положительные качества, а Европе – в основном отрицательные: “славянские народы **самою природою** (выделено мной) избавлены от этой насильственности характера, которую народам романо-германским... удастся только перемещать из одной формы деятельности в другую”; “Причина догматической разницы между Церквами западною и восточною не имеет иного источника, кроме **невежества, господствовавшего на Западе** (выделено мной) в первые века средней истории”.

В результате этих построений Н.Я. Данилевским конструируется идентичность России, ярко положительная ее “я-концепция”, имеющая и эмоциональный подтекст (пятнадцатая глава): “Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи... – Россия не иначе может занять достойное себя и славянства место в истории, как став главой особой, самостоятельной системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности”.

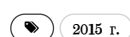
На первый взгляд может показаться, что Данилевский все же во главу угла ставит конструирование границы. Однако эта граница для мыслителя – лишь отправная точка для дальнейшей миссии. Ведь задача России – *“занять достойное место в истории”*, а не на карте обособленных цивилизаций. Если Россия лишится исторической цели, то она, по мнению Николая Яковлевича *“представит миру жалкий образец исторического недоросля в громадных размерах”*.

Следуя традиции восхождения Духа, в заключительных строках своей книги Данилевский создает синтез разграничения и мессианского восхождения, согласно которому Россия как культурно-исторический тип не отделена от мировой истории, а вписана в нее, несет свою ответственность за будущее мира: *“Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один, небесный, божественный, через Иерусалим, Царьград, достигает в невозмущенной чистоте до Киева и Москвы; другой – земной, человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла: культуры и политики, течет мимо Афин, Александрии, Рима в страны Европы”*.

В заключительной главе Данилевский формулирует цель России: восхождение Духа к новым высотам культуры, создание неразграниченной целостности, синтез всех достижений мировой истории. Мыслитель предрекает, что *"славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтезис всех сторон культурной деятельности"*. Реально ли достижение такой цели или нет – вопрос не в этом. Главное – это формирование идентичности способной задать новый ритм всемирно-исторического процесса. И именно под таким углом следует читать Данилевского сегодня.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – разные издания.
2. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Джона Тернера // Психологический журнал. – 1993. – № 3. – С. 115 – 125.
3. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Пер. с нем.: В 2-х т. – разные издания.

✉ Подписаться ▼

Войти через

Оставьте первый комментарий!

B I U $\frac{1}{2}$ $\frac{3}{4}$ $\frac{1}{2}$ $\frac{3}{4}$ " </> { } [+]

0 КОММЕНТАРИЕВ